

Финько Ольга Сергеевна

**СЕМЕЙНЫЕ ОБРЯДЫ КУБАНИ НА ФОНЕ МАТЕРИНСКИХ ТРАДИЦИЙ
(ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)**

В статье представлены общие результаты этнолингвистического исследования кубанских семейных обрядов. Традиции Кубани рассматриваются в контексте общеславянской обрядности и на фоне украинской и южнорусской традиций, послуживших основой для формирования кубанской обрядовой культуры. В работе отмечены общеславянские мотивы кубанских обрядов: тема пути, благополучие, плодородие, наделение долей, осмысление переходных моментов в рамках семантических оппозиций, взаимосвязь культурных кодов (акционального, персонажного и предметного) при передаче обрядовой семантики. Кроме того, в тексте описаны региональные особенности кубанских семейных обрядов, связанные с этническим составом и с военным бытом переселенцев.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/11-3/54.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 11(53): в 3-х ч. Ч. III. С. 191-193. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/11-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

проблемы действительности. Эти два типа журналиста соответствуют двум концепциям, которые в XIX веке отразили разные представления о назначении журналиста [1, с. 18]. Именно такими и предстают американские журналисты в произведениях У. Д. Хоуэллса, вероятнее всего, большинством из них таковыми являлись в действительности. К сожалению, распространение журналистов, жаждущих лишь славы и денег, негативно сказалось на истории американской журналистики в XIX веке: активное использование слухов, интриг, стремление к сенсационности, искажение фактов, недостоверность в подаче материалов, политические распри.

Негативными примерами У. Д. Хоуэллс пытался напомнить современникам о сути и назначении журналистской профессии, о миссии журналистики, о профессиональных качествах журналиста, который должен нести пользу, быть ответственным, иметь гражданскую позицию, обладать стремлением постичь сложные явления современности во всей их глубине и противоречивости. Таких качеств не хватало в журналистике XIX века, не хватает их и в нашей современной действительности.

Список литературы

1. **Виноградова С. М.** Слагаемые журналистской профессии // Основы творческой деятельности журналиста / ред.-сост. С. Г. Корконосенко. СПб.: Знание; СПбИВЭСЭП, 2000. С. 7-59.
2. **Хоуэллс У. Д.** Возвышение Сайласа Лэфема: роман; Гость из Альтрурии: роман; Эссе / пер. с англ.; сост., вступ. статья, коммент. Г. Злобина. М.: Худож. лит., 1990. 671 с.
3. **Howells W. D.** A Modern Instance by William Dean Howells [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gutenberg.org/files/8203/8203-h/8203-h.htm> (дата обращения: 10.08.2015).
4. **Howells W. D.** The Quality of Mercy [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gutenberg.org/files/30108/30108-h/30108-h.htm> (дата обращения: 20.08.2015).
5. **Wasserman R.** The Press in Novels: Credit, Power, and Mobility in William D. Howells's Modern Instance and Lima Barreto's Recordacoes Do Escrivao Isaias Caminha [Электронный ресурс]. URL: http://muse.jhu.edu/journals/comparative_literature_studies/toc/cls.48.1.html (дата обращения: 01.08.2015).

THE IMAGE OF A JOURNALIST IN THE AMERICAN NOVEL OF THE XIX CENTURY

Fesyanova Natal'ya Leonidovna, Ph. D. in Philology

Naberezhnye Chelny Institute (Branch) of the Kazan (Volga region) Federal University
birujza@yandex.ru

The article examines the images of journalists in the novels by the American writer and publicist William Dean Howells, analyzes the role of press in the social life of the country. Howells' works are marked by the first manifestations of a stereotyped perception of a journalist: the negative attitude to the representatives of this profession is noticeable already in the XIX century. The paper focuses on the personages' qualities illustrating the image of a journalist of that time.

Key words and phrases: image; personage; XIX century; American journalism; profession of a journalist.

УДК 81

Филологические науки

В статье представлены общие результаты этнолингвистического исследования кубанских семейных обрядов. Традиции Кубани рассматриваются в контексте общеславянской обрядности и на фоне украинской и южнорусской традиций, послуживших основой для формирования кубанской обрядовой культуры. В работе отмечены общеславянские мотивы кубанских обрядов: тема пути, благополучие, плодородие, наделение долей, осмысление переходных моментов в рамках семантических оппозиций, взаимосвязь культурных кодов (акционального, персонажного и предметного) при передаче обрядовой семантики. Кроме того, в тексте описаны региональные особенности кубанских семейных обрядов, связанные с этническим составом и с военным бытом переселенцев.

Ключевые слова и фразы: этнолингвистика; обряд; обрядовый текст; культурный код; обрядовая лексика; обрядовая семантика; семантическая оппозиция.

Финько Ольга Сергеевна, к. филол. н.

Кубанский государственный университет (филиал) в г. Славянск-на-Кубани
kucherenko07@yandex.ru

СЕМЕЙНЫЕ ОБРЯДЫ КУБАНИ НА ФОНЕ МАТЕРИНСКИХ ТРАДИЦИЙ (ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)[©]

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (грант № 14-34-01230), «а2».

Семейные обряды, т.е. обряды, сопровождающие основные переходные моменты в жизненном цикле человека, обладают видимой стороной, строго регламентируемой конкретным сценарием и служащей своего

рода демонстрацией выполнения долга перед общиной, и скрытой глубокой философской основой. Для исследователей традиционной культуры семейные обряды являются важным источником выявления народной аксиологии, поскольку представляют собой сложное сочетание духовной и материальной культуры и используют для реализации ключевых смыслов фольклорные тексты (песни, присказки, заговоры), верования, обрядовые действия, реалии (обрядовые печения, полотенце, платок и т.д.).

Кубанская семейная обрядность представляет собой сложный лингвокультурный феномен, ставший результатом синтеза двух близкородственных культур. Кубанская народная культура начала формироваться сравнительно поздно, в конце XVIII – начале XIX в., на основе южнорусской и восточнукраинской традиций и в условиях контакта с традициями горских народов. Таким образом, спецификой кубанской семейной обрядности является то, что она включает рудименты архаических явлений, восходящие к славянским древностям, элементы материнских культур и новообразования.

Будучи направленными в будущее, обряды жизненного цикла обращены в прошлое, что проявляется в их способности транслировать накопленный обществом культурный опыт, ценности, нормы из поколения в поколение. Традиция требует соблюдения обрядового сценария с допустимой импровизацией, определяет требования к одежде, пище, поведению, к манере вести беседу. Согласно традиционным представлениям распределяются роли между участниками обряда. О значении традиции в народном обряде на Кубани свидетельствуют часто употребляемые информантами обороты типа *с давэнь давэнь, по закону, в старовэну, по старынки, старынный обряд*.

Как и в родственных традициях, основными мотивами семейных обрядов на Кубани являются тема пути, благополучие, плодородие, наделение долей, защита. Каждый из этих смыслов может репрезентироваться в обряде семиотическими средствами нескольких культурных кодов. Например, благополучию и изобилию способствуют такие обрядовые действия, как благословение, соблюдение запретов, осыпание молодых на свадьбе. Символы предметного кода – кожух, монеты, полотенце, гребни – реализуют в обряде ту же семантику. Репрезентантами благополучия являются хлеб, каравай, шишка, мед, свадебный пир, т.е. знаки пищевого кода. Для выражения обрядовой семантики употребляются вербальные средства, например, тот же смысл (благополучие) закодирован в присказке, которую произносят гости, одаривая молодых: *«Натэ вам мидни, шоб ны булы бидни; а цэ сэрэбро, шоб було вам добро»*.

Традиционно осмысление переходных эпизодов в кубанской обрядности проходит в рамках семантических оппозиций «Жизнь – смерть», «Свой – чужой», «Мужской – женский». Так, во всех обрядах жизненного цикла можно отметить действия, символизирующие умирание и возрождение. С этим мотивом связано ритуальное поведение участников обряда. Например, в свадебном и рекрутском обрядах лица, совершающие обрядовый переход, на начальном этапе ведут себя пассивно и воспринимаются как неживые. Все действия по сценарию обряда они выполняют с чьей-то помощью. Невесту одевают к венцу подруги. Для обоих обрядов типично ведение главных участников, предполагается, что они неспособны передвигаться самостоятельно. Проанализировав тексты, записанные от информантов, можно отметить, что для обозначения действий, связанных с перемещением главных участников, употребляются лексемы *высты* (вести), *обводьть*, *выводьть*, *пэрэводьть*, *заводьть*, *вззты* (везти), т.е. глаголы, в значениях которых основной семой является ‘побудить к движению’ [5, с. 252].

Символическое пересечение границ в обрядовых комплексах сопряжено с семантической оппозицией «Свой – чужой». Воплощением преодолеваемых ритуальных границ считались области соприкосновения разных локусов: ворота, калитка, порог. Так, одним из неоднократно выполнявшихся действий на свадьбе и в обряде проводов казака на службу было выведение главных участников за ворота. Как часть границы, ворота в данном действии воплощают символику контакта с внешним миром [Там же, с. 250].

Тема разделения на свое и чужое наиболее отчетливо проявляется в свадебной обрядности, поскольку весь комплекс направлен на обеспечение перехода главных участников, а в первую очередь невесты, в другую семью. Мотив разделения находит отражение в обрядовой лексике. Для противопоставления двух родов, участвующих в обряде, информанты часто употребляют местоимения *свой*, *наш* как в сочетаниях *свий рид* (род); *дарыть своей водкой, своей шишкой* ‘угощать приглашенных во время дарения хлебным изделием в форме шишки, испеченным в доме невесты’; *дарыть своим хлебом, дарыть нашим хлебом* (то же значение). Для выражения оппозиционных отношений двух родов часто используются лексемы, обозначающие принадлежность какой-либо из сторон: *невестин*, *жэныха* (*жэныхив*), *свативский*, *ёго*, *йийи*, например, в сочетаниях *невестин обряд* ‘обрядовые действия, совершаемые в доме невесты’, *жэныхив обряд* ‘обрядовые действия, совершаемые в доме жениха’, *сторона невестына* (молодой), *сторона йийи* ‘родственники невесты’; *сторона жэныха* (молодого), *сторона ёго* ‘родственники жениха’; *дарыть свативским хлебом* ‘угощать гостей булочками в форме шишек, приготовленными родственниками жениха’.

Несмотря на общеславянскую основу, кубанская обрядность многолика. Широкая вариативность объясняется тем, что каждый переселенец вносил в местную культуру элементы своей родной традиции. Территориальная вариативность, т.е. сосуществование вариативных форм элементов обряда в разных поселениях, наблюдается на всех уровнях обрядовой культуры: в вербальном, акциональном, персональном, предметном кодах, в обрядовой терминологии. Отметим некоторые примеры. Обычай печь на свадьбу *лежень* (разновидность каравая), известный в поселениях южной и юго-восточной части Краснодарского края и ставший наследием донской и южнорусской традиций, не распространен в станицах северо-западной части региона. Здесь излюбленными свадебными печениями являются украинские *шишки*, *голубцы* и *дывэнь* [4, с. 201].

Вариативность в кубанской обрядности можно наблюдать и в поселениях с одинаковой этнокультурной основой. Например, символом отказа сватам на Кубани была тыква. Этот фрагмент унаследован от малорусской обрядности. Для наименования тыквы на Кубани используются украинские лексемы *гарбуз* и *кабак*. Однако, в зависимости от того, какое наименование более привычно в той или иной станице для обозначения отказа жениху, употребляются фразеологизмы *бить гарбуза* (ст-ца Старотиторовская) либо *потягты кабак, получить кабак* (ст-ца Черноерковская) [Там же].

Условия, в которых формировался кубанский субэтнос, способствовали диалогу культур разных этнических групп, в результате чего взаимодействовавшие на протяжении длительного времени культурные традиции смешивались, контаминировались и унифицировались. Примером консолидационных процессов могут служить синонимические ряды, в состав которых входят обрядовые лексемы русского и украинского происхождения. Например, куб. *похоронить, поховать* соответствует рус. *похоронить*, укр. *поховати* 'похоронить' [1, т. 3, с. 388]. Куб. *украшать, квітчатъ (конэй)* соответствует рус. *украшать*; укр. *квітчати* 'убирать, украшать цветами', 'украшать' [Там же, т. 2, с. 233]. Лексемы кубанских говоров *родители, батькы, батько-маты, батько-матир* соотносятся с рус. *родители*, с укр. *батьки* [3], *батько-мати* 'родители' [1, т. 1, с. 33].

Совершенно естественно, что на новой территории, в условиях, при которых украинские традиции переселенцев оказались заблокированными на Кубани и испытывали постоянное влияние русской культуры, появлялись новообразования в обрядности. Одним из важных факторов и источников появления новообразований стала военная обстановка, в которой жили кубанские казаки. К числу новшеств, привнесенных в традиционную культуру военным бытом, относится такой элемент кубанского свадебного обряда, как *вышка*, деревянное сооружение наподобие сторожевых вышек, которые устраивались рядом с пикетами. Новообразованием является и участие в обрядовом действе персонажей, называемых *джигиты, часови, сторожа*.

Таким образом, обрядность Кубани как территории вторичного заселения характеризуется рядом специфических признаков, обусловленных в первую очередь этническим составом кубанского населения. Особенности кубанской культурно-языковой зоны являются следующие черты: вариативность, смешение и унификация взаимодействовавших на протяжении длительного времени языковых и культурных элементов материнских традиций, появление новообразований.

Список литературы

1. **Гринченко Б. Д.** Словарь украинского языка: в 4-х т. Киев: собран редакцией журнала «Киевская Старина», 1907-1909. Т. 1. 494 с. Т. 2. 573 с. Т. 3. 506 с.
2. **Девницкая Е. Н.** Красный цвет в обрядовой лексике кубанской свадебной традиции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (42): в 3-х ч. Ч. 1. С. 66-68.
3. **Магрицька І.** Словник весільної лексики українських східнослов'янських говірок (Луганська область) [Електронний ресурс]. Луганськ: Знання, 2003. URL: <http://www.vesna.org.ua/txt/magrytskai/slovnyk.html> (дата обращения: 28.08.2015).
4. **Финько О. С.** Вариативность в структуре и терминологии кубанской семейной обрядности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (41): в 2-х ч. Ч. 2. С. 200-203.
5. **Финько О. С.** Семантика пути в семейных обрядах Кубани // Язык, культура, текст: контрастивный анализ: IV Междунар. заоч. науч.-практ. конф. (г. Славянск-на-Кубани, 20-25 мая 2015 года) / под ред. Е. В. Литус, В. Б. Синдеевой, Е. П. Кузнецовой, А. А. Швердиной. Славянск-на-Кубани: Филиал Кубанского гос. ун-та в г. Славянске-на-Кубани, 2015. С. 248-254.

FAMILY RITUALS OF KUBAN AGAINST THE BACKGROUND OF MATERNAL TRADITIONS (ETHNOLINGUISTIC ANALYSIS)

Fin'ko Ol'ga Sergeevna, Ph. D. in Philology
Kuban State University (Branch) in Slavyansk-na-Kubani
kucherenko07@yandex.ru

The article presents general results of ethnolinguistic study of the Kuban family rituals. The Kuban traditions are examined in the context of Slavonic rites and against the background of the Ukrainian and South Russian traditions, having served the basis for the formation of the Kuban ritual culture. In the paper Slavonic motives of the Kuban rituals: the theme of road, well-being, fertility, allotments, comprehension of transitional moments in the framework of semantic oppositions, the interconnection of cultural codes (actional, character and object) while conveying the ritual semantics, are observed. Besides, the paper describes regional peculiarities of the Kuban family rituals, connected with ethnic structure and with a war life of migrants.

Key words and phrases: ethnolinguistics; ritual; ritual text; cultural code; ritual vocabulary; ritual semantics; semantic opposition.